81.2Нем
Д 661

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ БССР
МИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

На правах рукописи

ДОМБРОВСКАЯ Раиса Андреевна

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ВРЕМЕННОЙ И ВИДОВОЙ СЕМАНТИКИ В СИСТЕМЕ НЕМЕЦКОГО ГЛАГОЛА

10.02.04— Германские языки

Диссертация выполнена на русском языке

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Минск 1974

Дорогому Юрию Владимировичу
с чувством особой признательности
за помощь, отзывчивость и бла-
гожелательное отношение

Р. Достоевская

15. V. 74.

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ БССР
МИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

На правах рукописи

ДОМБРОВСКАЯ Раиса Андреевна

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ВРЕМЕННОЙ И ВИДОВОЙ СЕМАНТИКИ В СИСТЕМЕ НЕМЕЦКОГО ГЛАГОЛА

10.02.04— Германские языки

Диссертация выполнена на русском языке

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

БІБЛІЯТЭКА
МДЛУ

7631*2176

Минск 1974

Диссертация выполнена на кафедре грамматики и истории немецкого языка Минского государственного педагогического института иностранных языков.

Научный руководитель — доктор филологических наук, и. о. профессора **П. И. Копанев.**

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, и. о. профессора **В. П. Берков,** кандидат филологических наук, доцент **Т. С. Глушак.**

Коллективный оппонент — кафедра немецкого языка Ярославского ордена Трудового Красного Знамени государственного педагогического института имени К. Д. Ушинского.

Автореферат разослан «27» марта 1974 года.

Защита диссертации состоится «7» мая 1974 года на заседании Ученого Совета Минского государственного педагогического института иностранных языков (ул. Захарова, 21, четвертый этаж, зал заседаний Совета).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке института.

Отзывы о диссертации направлять по адресу: 220034, Минск, ул. Захарова, 21, Ученому секретарю Совета.

УЧЕНЫЙ СЕКРЕТАРЬ СОВЕТА.

Реферируемая работа посвящена исследованию характера взаимодействия временной и видовой семантики в системе личных форм немецкого глагола с учетом роли этих форм в семантическом построении макроконтекста.

Опорным в исследовании является положение о том, что содержание той или иной грамматической категории ярче выступает не при имманентном анализе этой категории, но при учете ее органического взаимодействия с лексическим значением и с другими грамматическими категориями[1].

Анализ теории по исследуемой проблематике показывает, что временные и видовые характеристики немецкого глагола рассматриваются, как правило, изолированно, вне взаимосвязи друг с другом. Исследования по категории времени лишь изредка включают вопрос о взаимосвязи вида и времени. При этом в них обычно только называются отдельные видовые признаки, присущие формам немецкого глагола. Среди известных нам работ ни одна специально и с достаточной полнотой не рассматривает вопрос о сопряженности темпоральных и аспектуальных значений в семантике этих форм. Соответственно и при изучении разноуровневых средств языка, служащих для выражения характера протекания глагольного действия, которые на основе общности семантической функции объединяются в функционально-семантическую категорию аспектуальности[2], вопрос о видовой семантике временных форм немецкого глагола вызывает больше всего споров. Фак-

---

[1] И. П. Мучник. Грамматические категории глагола и имени в современном русском литературном языке. Автореф. докт. дисс. М., 1968, стр. 16.

[2] А. В. Бондарко. К проблеме функционально-семантических категорий. ВЯ, 1967, № 2; W. Flämig. Zur Funktion des Verbs. III. Aktionsart und Aktionalität, in: Deutsch als Fremdsprache, 1965, 2; Б. М. Балин. Немецкий аспектологический контекст в сопоставлении с английским. Калинин, 1969.

тически установленным считается на сегодня тот факт, что даже отдельные временные формы немецкого глагола не могут противопоставляться друг другу в рамках корреляции совершенный/несовершенный вид, считающейся классическим образцом видового различия. С другой стороны, сопоставление ряда признаков содержания временных форм немецкого глагола[1] с известными аспектуальными признаками глагольных форм в других языках[2] позволяет установить их частичную или полную идентичность.

Уточнение характера этих признаков, а также задача более полного выявления видовой семантики личных форм немецкого глагола и характера взаимосвязи временных и видовых значений этих форм ставит вопрос о характере наиболее приемлемой для немецкого глагола трактовки вида.

Используемое в работе понимание вида основывается на широкой трактовке этого явления, наличествующей в аспектологии, наряду с другими, начиная с ранних этапов ее развития, и представленной в работах таких языковедов, как К. Бругман, А. А. Шахматов, А. М. Пешковский и др.[3] С толкованием вида у этих исследователей согласуется существующее в современной лингвистике широкое понимание вида, согласно которому во всех случаях видовых различий, независимо от формальных средств их выражения, речь идет о «различных способах представления протекания действия»[4].

---

[1] Е. И. Шендельс. Грамматическая синонимия (на базе морфологии глагола) в современном немецком языке. Автореф. докт. дисс. М., 1964; Е. И. Шендельс. Многозначность и синонимия в грамматике. М., 1970; H. Brinkmann, Die deutsche Sprache. Gestalt und Leistung. Düsseldorf, 1962; W. Flämig. Zur Funktion des Verbs,I. Tempus und Temporalität, in: Deutsch als Fremdsprache, 1964, 4; Ch. Bergmann, Meyer G., Scholz H., Zimmermann F. Die Tempora als grammatisches Bildungsgut in Klasse 5(1), in: Deutschunterricht, 1970, 6; В. А. Жеребков. Опыт описания грамматической категории времени в системе немецкого глагола. Уч. зап. Калининского ГПИЯ, т. 72, вып. 3. Калинин, 1970; Б. М. Балин. Немецкий аспектологический контекст в сопоставлении с английским. Калинин, 1969 и др.

[2] См., напр., А. В. Бондарко. Вид и время русского глагола. М., 1971; Ю. С. Маслов. Глагольный вид в современном болгарском литературном языке (значение и употребление). «Вопросы грамматики болгарского литературного языка». М., 1959.

[3] См., например, определения К. Бругмана (K. Brugmann. Kurze vergleichende Grammatik der indogermanischen Sprachen. StraBburg, 1904, S. 493) А. А. Шахматова (А. А. Шахматов. Очерк современного русского литературного языка. Изд. 4. М., 1941, стр. 157), А. М. Пешковского (Русский синтаксис в научном освещении. Изд. 6-е. М., 1930, стр. 122) и др.

[4] Ю. С. Маслов. Вопросы глагольного вида в современном зарубежном языкознании. «Вопросы глагольного вида». М.—Л., 1962, стр. 9.

На это понимание вида лингвисты опираются при изучении видовых различий в разных языках.

Такое понимание вида оправдывается, очевидно, тем, что, как показали исследования последних лет[1], даже в рамках славянских языков видовые различия не всегда могут быть сведены только к корреляции совершенный/несовершенный вид. К тому же в ряде работ по генезису глагольного вида[2] совершенность/несовершенность доказательно трактуется как славянское новообразование, что еще раз говорит в пользу расширения семантических границ видовых характеристик, в особенности применительно к неславянским языкам. Кроме того, широкое понимание вида, позволяющее взглянуть на аспектуальную семантику глагола в целом, в наибольшей степени согласуется с трактовкой аспектуальности как функционально-семантической категории и может способствовать уточнению семантики отдельных участков поля, а тем самым и всей функционально-семантической категории аспектуальности в том или ином языке.

Указанное понимание вида не заключает в определении различия между видом и способами действия. При установлении иерархии видовых значений в языке вид, в отличие от способов действия, выступает как «грамматическое (не лексическое, как в способах действия) разграничение различных представлений о характере протекания глагольного действия»[3]. Наиболее важным при проведении границы между видом и способами действия является признак, свойственный каждой грамматической категории,— обязательное наличие грамматического противопоставления, носящего строго парадигматический характер и охватывающего всю глагольную лексику или достаточно широкую ее часть и проявляющегося в рамках одного лексического значения.

Отсутствие специальных видовых форм у немецкого глагола, а также результаты уже имеющихся наблюдений в этом отношении позволяют предположить, что из существующих двух разночтений широкого определения вида приемлемым

---

[1] Ю. С. Маслов. Глагольный вид в современном болгарском литературном языке (значение и употребление). «Вопросы грамматики болгарского литературного языка». М., 1959.

[2] В. Бородич. К вопросу о формировании совершенного вида в славянских языках, ВЯ, 1953, № 6; Н. Ван-Вейк. О происхождении видов славянского глагола. «Вопросы глагольного вида». М.—Л., 1962, а также статьи Г. Кёльна, Е. Куриловича в этом же сборнике.

[3] Ю. С. Маслов. Глагольный вид в современном болгарском литературном языке, стр. 165.

для немецкого языка является то, которое предполагает не только тесную взаимосвязь, но и сопряженность временных и видовых значений[1]. Грамматические видовые значения проявляются только в рамках временных и понимаются как качественные и количественные характеристики процессов, событий, указывающие на характер их протекания и распределения во времени. Видовые значения такого типа не являются логически лимитированными и не образуют замкнутую систему[2].

Постановка вопроса в этом плане и определяет основную задачу предлагаемого исследования — анализ значений временных форм немецкого глагола с целью установления аспектуальной (в соответствии с широким пониманием вида) семантики этих форм и выяснения характера взаимосвязи присущих им временных и видовых значений.

Исследование темпоральной и аспектуальной семантики личных форм немецкого глагола строится на формах действительного залога изъявительного наклонения и носит синхронный характер.

Источником языкового материала послужили произведения художественной прозы классиков и современных немецких писателей общим объемом в 6 тыс. страниц. Отобранные примеры (8 тыс.) содержат случаи употребления исследуемых форм в минимальных и развернутых контекстах, содержащих элементы, уточняющие темпоральное и аспектуальное значение формы. Все примеры снабжены пометой о том, в какой речевой форме употреблена та или иная временная форма.

Методика анализа, применяемого в работе, может быть определена как сочетание традиционно-лингвистических приемов, в основе которых лежит непосредственное наблюдение, и структурно-функционального подхода, который предусматривает изучение временных форм как с точки зрения их парадигматических отношений, так и синтагматических свойств.

Отправной точкой исследования служит положение о многозначности формы, о том, что значение формы есть совокупность признаков, комбинация минимальных (на данном этапе анализа) компонентов значения — сем[3].

---

[1] И. П. Иванова. Вид и время в современном английском языке. Л., 1961, стр. 170—172; Ю. В. Ванников. Опыт типологического анализа временных значений. «Языковые универсалии и лингвистическая типология». М., 1969, стр. 203—205.

[2] См. вышеуказанную работу Ю. В. Ванникова, стр. 205.

[3] Е. И. Шендельс. Грамматическая синонимия (на базе морфологии глагола) в современном немецком языке. Автореф. докт. дисс. М., 1964.

Выдерживается следующий подход к анализу изучаемых явлений: от синтаксического целого, обладающего единой темпоральной характеристикой,— к функциям форм времени в рамках отдельного предложения. Соответственно методика исследования предстает как совокупность следующих процедур:

1. Изучение функционирования временных форм в контексте с целью установления взаимосвязи этих форм в их синтагматической последовательности и определения структуры их значений. На этом предварительном этапе используется метод непосредственного наблюдения, основывающийся на языковом опыте (традиционная интроспекция).

2. Уточняющей процедурой выявления компонентов значения каждой из форм служит логический анализ. Данные, полученные логическим путем, подкрепляются и систематизируются посредством структурных методов.

В связи с тем, что отдельные грамматические формы могут различаться не по значению в системе, а функционально, исходным при анализе является употребление исследуемых форм. Это предусматривает по возможности полный учет всех тех факторов, которые влияют на грамматическое значение формы в контексте. К числу таких факторов могут быть отнесены:

1. Видовая (лексическая) семантика глагола, выступающего во временной форме.

2. Сочетание глагольной формы внутри элементарного предложения с определенными типами темпорально и аспектуально значимых слов.

3. Семантическая и морфологическая характеристика существительного, играющего роль подлежащего при глаголе[1].

4. Дистрибуция формы внутри сложного синтаксического целого (соотнесенность форм внутри сложного целого по временному признаку).

На лексический видовой характер глагола как на исходную форму становления видо-временных отношений в языке указывают многие исследователи[2]. При этом отмечается, что

---

[1] Факторы, указанные в пунктах 1—3, мы принимаем во внимание вслед за Э. И. Богомоловой (Средства выражения длительности в современном французском языке. Уч. зап. 1 МГПИИЯ им. М. Тореза, т. 59. М., 1971).

[2] И. Г. Долинина. Предельность в видо-временной системе глагола. Автореф. докт. дисс. М., 1965; Б. М. Балин. Немецкий аспектологический контекст в сопоставлении с английским. Калинин, 1969; L. Saltveit. Synonymik und Homonymie im deutschen Tempussystem, in: Sprache der Gegenwart, Bd. 6. Düsseldorf, 1970; Т. Я. Гольденберг. Взаимо-

внутренняя лексическая обусловленность хорошо прослеживается на глаголах с предельным/непредельным значением. Как показывают наблюдения над языковым материалом[1], выявление зависимости между указанными характеристиками требует учитывать прежде всего предельное/непредельное значение глагола, проявляющееся уже в минимальном контексте (=внеконтекстное). Различение на этом уровне оказывается важным для таких форм, как презенс, футурум 1, перфект, плюсквамперфект[2], которые уже в своем основном темпоральном значении проявляют небезразличное отношение к указанным признакам. Конкретно это выражается в том, что презенс в своем основном значении актуального настоящего предполагает употребление непредельного глагола. Перфект и плюсквамперфект явно тяготеют в своих основных значениях перфектного прошедшего (предпрошедшего) к глаголам предельной семантики.

Принадлежность глагола в презенсе, перфекте, плюсквамперфекте к противоположному классу обусловливает в ряде случаев развитие частного значения у формы, которое может характеризоваться темпоральным сдвигом в значении формы, как это имеет место, например, у презенса предельных глаголов, который уже в минимальном контексте имеет значение будущего. Что касается футурума I, то предельный/непредельный характер глагола служит здесь в минимальном контексте скорее для различения омонимичных форм, чем для уточнения семантики темпорального футурума[3].

Взаимодействие между предельным/непредельным характером глагола и видовой семантикой формы характеризуется как совпадением, так и «столкновением» видовой характеристики глагола и временной формы. В последнем случае видовая семантика формы способна подавлять проявление указанных признаков в семантике глагола. Так, претерит в импер-

---

действие лексических и грамматических значений на материале временных форм французского глагола. «Лингвистика и методика в высшей школе», вып. 5. М., 1970 и др.

[1] Наши наблюдения в этом плане основываются на анализе каждого из исследуемых примеров, включающем: а) установление предельного/непредельного характера глагола, исходя из его дистрибуции в контексте, в) соотнесение этих значений с временным и видовым значением формы.

[2] См. также вывод Б. М. Балина (Немецкий аспектологический контекст в сопоставлении с английским. Калинин, 1969, стр. 393) о том, что сема «предельность» эксплицитно присутствует в граммемах перфекта и плюсквамперфекта, а сема «непредельность»— в презенсе.

[3] См., напр., вышеуказанные работы Л. Сальтвейта, Б. М. Балина, В. А. Жеребкова.

фектном значении, указывающем на протекание действия, употребляется как от непредельных, так и от предельных глаголов. «Конфликт этот разрешается тем, что претерпевает изменение глагол, он как бы приобретает протяженность». Взаимодействие такого рода наблюдается в различных языках[1]. Подобное явление имеет место и у перфекта. Перфект от непредельного глагола может обладать значением перфектности (акциональный оттенок перфектности).

Внешняя лексическая обусловленность исследуемых форм прослеживается на основе сочетаемости этих форм с определенными типами темпорально и аспектуально значимых слов, конкретизирующих их значение. Во внимание принимаются в первую очередь временные и видовые наречия и наречные слова типа heute, damals, bald, schon, bereits, immer, immer weiter и др. Эти типы слов обладают семантическими признаками, которые вступают в определенные отношения с семантикой каждой из форм[2]. Они используются или могут использоваться как диагностирующие элементы при установлении частных значений форм, являющихся результатом взаимодействия грамматической формы и контекста.

Существенную роль при различении частных значений форм (например, при выделении абстрактного настоящего) играет также семантическая и морфологическая характеристика подлежащего при глаголе.

Наряду с указанными факторами, составляющими «внутреннюю» и «внешнюю лексическую обусловленность формы» (Е. И. Шендельс) и проявляющимися в рамках отдельного предложения, синтагматические свойства временных форм зависят и от присущей временным формам ряда языков способности оказывать в контексте живой речи структурное давление на соседствующие с ними временные формы, которое ограничивает их комбинаторные свойства[3]. Существование этого структурного закона делает не менее важным изучение того, с какими другими временными формами соседствует форма внутри сложного предложения, абзаца и других сверхфразовых единств и как это влияет на семантику самой формы. Поэтому временное и видовое содержание форм времени не-

---

[1] Т. Я. Гольденберг. Взаимодействие лексических и грамматических значений на материале временных форм французского глагола. «Лингвистика и методика в высшей школе», вып. 5, М., 1970, стр. 156.

[2] А. В. Бондаренко. Вид и время русского глагола. М., 1971, стр. 11.

[3] H. Weinrich. Tempus. Besprochene und erzählte Welt. Stuttgart, 1964, S. 31.

мецкого глагола выявлялось в данной работе на основе наблюдений над их функционированием в рамках сложного синтаксического целого.

Под сложным синтаксическим целым мы, вслед за Н. С. Поспеловым и А. Б. Кошляк[1], понимаем «одно предложение, сложное по форме, или группу предложений, объединенных единством темы и обладающих определенной грамматической оформленностью». К числу средств, оформляющих сложное синтаксическое целое, относится, среди прочих, соотнесенность сказуемых по временному значению, обеспечивающая единство временных планов сказуемых.

Макроконтекст как единица анализа обладает тем преимуществом, что способствует раскрытию свойств форм, которые остаются слабо выраженными или нераскрытыми в рамках элементарного предложения.

Предпринятое изучение дистрибуции временных форм внутри сложного синтаксического целого, их соотнесенности по временному признаку, с учетом уже имеющихся наблюдений, отраженных в работах ряда исследователей[2], позволяет постулировать существование в общей темпоральной системе немецкого глагола двух подсистем, различающихся по содержанию и формально и передающих темпоральное содержание двух фундаментальных речевых планов: плана двусторонней коммуникации и плана односторонней информации[3] и соответствующих им типичных речевых ситуаций и речевых форм. Каждому из планов соответствует традиционный вариант языковой реализации темпорального содержания: плану коммуникации — круг настоящего, создающий ситуацию настоящего и употребляющийся поэтому обычно в диалоге, плану информации — круг прошедшего, формы которого служат для повествования, сообщения о событиях, имевших место в прошлом. Названные временные круги представлены в языке в формальном плане следующим образом:

круг настоящего: перфект—презенс—футурум 1.

---

[1] Н. С. Поспелов. Проблемы сложного синтаксического целого в современном русском языке. Уч. зап. МГУ, вып. 137, 2. М., 1948; А. Б. Кошляк. О единицах грамматико-стилистического исследования ткани драматического произведения. Уч. зап. 1 МГПИИЯ, т. 31. М., 1964.

[2] H. Weinrich. Tempus. Besprochene und erzählte Welt. Stuttgart, 1964; М. В. Янкошвили. Изоморфизм временных кругов в системе глагола НДВШ, ФН, 1966, № 2.

[3] Н. С. Поспелов. О разграничении прямого и относительного употребления форм настоящего времени в русском языке. «Проблемы современной филологии». М., 1965.

круг прошедшего: плюсквамперфект — претерит — кондиционалис 1.

Единство кругов в формальном отношении обеспечивается наличием у аналитических форм, входящих в круг, вспомогательного глагола в презенсе (круг настоящего) или соответственно в претерите (круг прошедшего). Включение кондиционалиса I в круг прошедшего основывается на импликации: если в языке есть формы, выражающие одновременность (претерит) и предшествование (плюсквамперфект) по отношению к точке отсчета, то должна существовать и форма, употребляемая для выражения следования по отношению к точке отсчета. В качестве такой формы может использоваться кондиционалис 1.

Указанные подсистемы основываются в плане содержания на существовании двух параллельных функционально-речевых темпоральных перспектив: настоящего и прошедшего. Каждая из перспектив предполагает наличие сепаратной точки отсчета — временного центра, участвующего в определении структуры темпоральных отношений внутри перспективы, которая характеризуется оппозицией предшествование-одновременность-следование по отношению к точке отсчета.

Названные подсистемы могут рассматриваться как функционально-речевые парадигмы, отражающие характерные особенности функционирования и использования языка в отдельных коммуникативных сферах и соответствующих им речевых ситуациях и речевых формах. В работе далее уделяется внимание темпоральной характеристике различаемых лингвистами наиболее типичных речевых ситуаций и соответствующих им речевых форм.

Предлагаемой трактовке темпоральной системы немецкого глагола, на наш взгляд, оптимально соответствует наметившийся в ряде работ (И. П. Иванова, Г. Бринкман, Е. И. Шендельс) и наиболее четко сформулированный Т. П. Ломтевым[1] подход, согласно которому формам глагола, различающимся по грамматической категории времени, приписываются длительности как части потока времени. Отличительным моментом этой концепции является понимание структуры времени как образованной тремя длительностями, из которых одна характеризуется тем, что к ней относится момент речи, а другие — предшествованием этой длительности (но не моменту речи) или следованием за ней (но не за моментом речи).

[1] Т. П. Ломтев. Предложение и его грамматические категории. М., 1972, стр. 67—69.

Мы полагаем, что понимание момента речи как способа характеристики длительностей не отрицает его функции как своего рода эталона, уточняющего характер локализации глагольного действия во времени, который играет существенную роль не только при определении частных значений форм, но и при установлении системных отношений между отдельными формами, рассматриваемыми в традиционной грамматике как системные синонимы.

Анализ языкового материала показывает, что такое понимание структуры темпоральных отношений оказывается продуктивным при определении темпорального содержания форм времени и прежде всего при разграничении частных значений форм. Кроме того, понимание темпоральных сфер как длительностей делает понятной возможность расширенного толкования временных сфер как перспектив и соответственно возможность дифференциации временных значений внутри самих длительностей.

Функциональный подход к выявлению темпорального содержания исследуемых форм, ориентированный на выявление многозначности этих форм и установление различных аспектов взаимосвязи их временной и видовой семантики, предполагает разграничение общего и частных значений форм. Основываясь на трактовке общего и частных значений у А. В. Бондарко[1], мы понимаем общее, инвариантное значение формы как совокупность ее вариантных значений. Вариантные значения выступают как связанные, лексически и грамматически обусловленные значения, на развитие которых могут оказывать влияние названные ранее факторы.

В предлагаемом исследовании мы останавливаемся только на значениях, присущих формам времени при прямом употреблении, так как уже в этой сфере указанные формы проявляют значительное функциональное разнообразие.

Как прямое употребление формы рассматриваются те случаи, в которых соотношение между реальным временем события и длительностью, определяющей темпоральное значение формы в системе, не нарушается. Во всех случаях прямого употребления форма сохраняет однородное отношение к точке отсчета. Кроме того, во внимание принимается традиционно установившаяся в процессе функционирования соотнесенность форм времени с теми или иными речевыми формами и опре-

---

[1] А. В. Бондарко. Общие и частные значения грамматических форм. ВЯ, 1968, № 4.

деляющими их в темпоральном плане перспективами (настоящее/прошедшее). С точки зрения закона согласования времен прямое употребление формы определяется ее первичной дистрибуцией в синтаксическом целом[1].

Указанные выше понятия и принципы являются исходными при рассмотрении функционирования форм времени немецкого глагола, предпринятом с целью выявления временных, видовых и некоторых модальных значений этих форм, выражаемых ими в рамках синтаксического целого, с учетом взаимодействия указанных значений в составе семантических комплексов, характеризующих значение исследуемых форм.

Описание функционирования форм времени и присущих им значений разбивается в работе соответственно постулируемым подсистемам, входящим в общую темпоральную систему немецкого глагола, на два раздела: описание функционирования форм круга настоящего и описание функционирования форм круга прошедшего.

Круг настоящего образуется в немецком языке противопоставлением перфекта, презенса и футурума 1. Круг имеет следующую структуру: в качестве осевой формы выступает презенс в своем актуальном значении, форма перфекта называет прошедшие, а форма футурума 1 — будущие действия в сфере настоящего.

Формы круга настоящего, создающие ситуацию настоящего, обычно употребляются в диалоге. Диалог отражает один из наиболее распространенных видов коммуникации, представляющий собой непосредственное общение говорящего со слушающим, и идентифицируется в нашей схеме с планом коммуникации. Во временном отношении диалог характеризуется как форма, базирующаяся «на целостной ситуации настоящего как широкого временного синтеза, в котором завершается прошлое субъекта речи и который обращен к будущему»[2]. Словами Г. Бринкмана широкую временную характеристику этой сферы можно определить как „Kontinuum für das DaseinsbewußtSein“[3].

В языке художественной литературы эта речевая форма соответствует таким формам повествования, как прямая речь,

---

[1] М. В. Янкошвили. Изоморфизм временных кругов в системе глагола. НДВШ, ФН, 1966, № 2.

[2] Н. С. Поспелов. О разграничении прямого и относительного употребления форм настоящего времени в русском языке. «Проблемы современной филологии». М., 1965, стр. 201.

[3] H. Brinkmann. Die deutsche Sprache. Gestalt und Leistung. Düsseldorf, 1962, S. 323.

речь персонажей, наиболее точно имитирующим непосредственное общение.

Общее значение презенса, центральной формы круга настоящего, может быть представлено рядом вариантных значений, из которых в прямом употреблении основными являются: актуальный презенс, неактуальный презенс, узуальный презенс и презенс конкретного предстоящего действия[1].

Частные значения презенса разграничиваются в зависимости от особенностей соотнесения называемых формой действий с моментом речи и «временного объема» выражаемых темпоральных значений. Решающую роль при выделении частных значений играет, таким образом, характер локализации действия внутри длительности, соответствующей на линии времени настоящему, который определяется рядом взаимодействующих между собой признаков темпорального и аспектуального типа. Важным фактором развития частных значений является также видовая семантика глагола, стоящего в презенсе (прежде всего в плане выражения им значения предельности/непредельности).

Характер функционирования презенса в синтаксическом целом отражает центральную роль формы в сфере настоящего как перспективы. Анализ присущих форме значений и особенностей ее функционирования показывает, что презенс обладает широким, «комплексным» характером, способностью передавать «lückenlosen Zusammenhang — Kontinuum» в сфере настоящего (Г. Бринкман), которая выражается не только в свойстве формы называть в сфере настоящего действия различного временного объема от точечных до неограниченно длительных (неактуальный презенс), но и в том, что форма способна передавать весь комплекс темпоральных значений настоящего как перспективы: непосредственно настоящее (актуальный презенс), прошедшее, неразрывно связанное с настоящим (терминативное настоящее), и будущее, которое планируется уже в момент речи (презенс конкретного предстоящего действия). При этом каждое частное значение формы так или иначе связано с моментом речи, так что включение момента речи в период называемых формой действий, выступает как ее характерный признак. В основывающейся на комплексном характере формы способности «открывать континуум, имплицитно и эксплицитно выходящий за рамки на-

[1] Ср.: J. Erben. AbriB der deutschen Grammatik. Bln., 1963, S. 33—35; Е. И. Шендельс. Многозначность и синонимия в грамматике. М., 1970, стр. 48—57 и др.

стоящего и охватывающий прошедшее и будущее», находит свое выражение признак «континуативность», который проявляется только в рамках синтаксического целого и определяет семантику формы в целом, не являясь специфическим признаком ни одного из частных значений формы. Континуативный характер презенса раздвигает рамки темпорального содержания формы и поднимает это содержание до уровня перспективы, внутри которой действует закон согласования времен, предопределяющий сочетаемость форм в сфере таким образом, что связанные этим законом формы полностью сохраняют, благодаря своим семантическим качествам, непрерывность настоящего как перспективы.

В плане континуума, открываемого презенсом, еще более ярко проявляется доминирующая роль актуального презенса, выражающего «актуализированную непрерывность»— значение, которое свойственно в системе только указанной форме.

Функционирование презенса определяется семантическим потенциалом формы — совокупностью признаков, среди которых доминирующую роль играет темпоральный признак настоящего, имплицитно присутствующий благодаря связи с моментом речи во всех частных значениях формы. Не менее важным для семантики формы является и аспектуальный признак «процессность», указывающий на одно из основных свойств формы,— способность называть действия, протекающие непосредственно перед глазами говорящего. Рассматривая данный признак как характерный видовой признак формы, мы исходим не из логического обобщения аспектуальных признаков, свойственных частным значениям презенса, а выделяем такую семантико-синтаксическую черту, которая выступает как специфичная, наименее контекстуально обусловленная и играет важную роль в определении места названной формы в предлагаемой темпоральной системе немецкого глагола[1]. Проявление признака «процессность» возможно только в рамках временного значения формы. Признак выступает как «сопряженный» (В. Н. Ярцева). Аспектуальные и аспектуально-темпоральные признаки более низкого уровня (конкретность, абстрактность, длительность, многократность) участвуют в различении частных значений презенса.

---

[1] Об общих принципах выделения основного аспектуального значения см.: Ю. С. Маслов. Вопросы глагольного вида в современном зарубежном языкознании. «Вопросы глагольного вида». М.—Л., 1962, стр. 27; М. М. Гухман. Грамматическая категория и структура парадигм. «Исследования по общей теории грамматики». М., 1968, стр. 160.

Специализированным средством выражения прошедшего в сфере настоящего служит перфект. Важнейшими семантическими разновидностями перфекта являются: 1) перфектное прошедшее и 2) аористическое прошедшее.

Основную сложность в оценке семантики перфекта составляет его двуплановость: действие, называемое формой, лежит в одной временной ступени — прошедшем, результаты же этого действия оцениваются с точки зрения другой временной ступени — настоящего. Свойство передавать прошедшие действия с учетом актуальности их последствий для настоящего — главная отличительная черта перфекта. Именно поэтому перфект так тесно связан с той речевой формой, в которой наиболее наглядно представлено настоящее, с диалогом. Тесная связь прошедшего действия, называемого перфектом, с моментом речи, выражающаяся через признак контактность с моментом речи, а также в том, что момент речи часто выступает в качестве границы называемого формой прошедшего действия, изолирует это действие от других прошедших действий, придает ему характер факта в прошлом (признак фактовость в семантике формы). Оценка прошедшего действия с точки зрения настоящего лишает перфект способности выражать самый процесс, динамику действия и обусловливает восприятие действия или его последствий цельно, в полном объеме.

Целостное восприятие действия, присущее этой разновидности перфекта, и особый характер локализации называемого им действия, который определяется в первую очередь непосредственным предшествованием настоящему и вытекающей отсюда контактностью с моментом речи, объясняет тот факт, что перфект не способен к повествованию. Перфект называет отдельные действия или ряд одновременных состояний, действий в прошлом, непосредственно предшествующем настоящему. Только в этом случае он сохраняет один из своих основных признаков — контактность с моментом речи.

Фактовость как признак семантического содержания формы более ярко выражается при употреблении перфекта в аористическом значении, сосредотачивающем внимание на констатации фактов прошлого, без указания на их специфические семантические признаки. Аористическое значение отличается от перфектного разобщенностью с моментом речи и вытекающей отсюда неспособностью указывать на актуальность последствий действия для более позднего временного плана. Перфект в аористическом значении используется в прямой речи, как правило, для передачи относительно самостоятель-

ных фактов, которые имели место в прошлом и не являются актуальными в момент говорения, или же для передачи пучка или цепи фактов, часто без установления последовательности этих фактов в прошлом. Перфект выражает аористическое значение обычно только при наличии контекстуальных сопроводителей, указывающих на разобщенность действия с моментом речи. Непредельные глаголы могут выражать уже в минимальном контексте и чаще всего выражают именно аористическое значение.

Особенности функционирования перфекта в синтаксическом целом подтверждают известные наблюдения в отношении основной, доминирующей функции этой формы, заключающейся в передаче перфектного прошедшего. В этом значении перфект выступает в кругу настоящего как видо-временная форма, не только указывающая на отнесенность называемого ею действия к прошедшему, но и передающая характер протекания действия во времени, специфичные особенности восприятия действия субъектом речи. Видовая семантика формы определяется признаками: перфектность, фактовость, завершенность, из которых признак перфектность играет доминирующую роль.

Противостоящее перфектному аористическое значение формы, в котором перфект служит только для называния фактов в прошлом, выступает как периферийное в рамках общей перспективы настоящего, так как форма в данном случае утрачивает основной признак форм круга настоящего — связь с моментом речи. Значения такого типа могут быть включены в сферу настоящего только благодаря неограниченно широкому характеру настоящего как перспективы, носящей открытый характер, так что в сферу настоящего могут вовлекаться неограниченные отрезки прошлого и будущего.

Функциональное разнообразие футурума может быть представлено в немецком языке двумя частными значениями: 1) футурумом абстрактного будущего, 2) футурумом конкретного единичного действия, выделяемыми на основе их отношения к признакам абстрактность/конкретность.

Темпоральное значение футурума определяется длительностью, следующей за той, которая включает момент речи (настоящее) и характеризуется разобщенностью с моментом речи — будущее. Семантика формы в значительной степени предопределяется особенностями содержания соответствующей ему временной сферы будущего, выражающей нечто предстоящее, еще не имеющее места в реальной действительности,

гипотетическое. Существенным для установления семантики футурума является, по-видимому, тот факт, что в сфере настоящего существует исторически гораздо раньше сложившаяся возможность для выражения будущего — презенс конкретного предстоящего действия (футуральный презенс), семантика которого характеризуется наличием основного признака форм круга настоящего —«имплицитным содержанием момента настоящего». Наличие футурального презенса предопределило семантику футурума 1, оставив за ним сферу абстрактного будущего, разобщенного с моментом речи. Форма употребляется прежде всего для обобщенного называния фактов абстрактного (неопределенного) будущего, которое «существует в момент речи только в представлении говорящего». Фактически футурум 1 выполняет в плане настоящего функцию, аналогичную функции перфекта в аористическом значении. Это подтверждает сочетаемость форм в указанных значениях с одинаковыми диагностирующими словами einmal, einst, eines Tages и т. д. В минимальном контексте футурум в этом значении проявляет себя как форма лексически обусловленная, так как только футурум предельных глаголов однозначно выражает будущее.

Представляется, что нейтральное отношение футурума абстрактного будущего к прецизирующим темпоральным и аспектуальным признакам создает предпосылки для проявления особенностей семантики будущего как временной сферы, «выражающей нечто будущее, не реализованное, легко подверженное воздействию субъективного»[1]. Предстоящее действие, существующее только в представлении говорящего, легко приобретает в интерпретации субъекта речи характер возможного, желаемого, необходимого и т. д. При этом темпоральное значение футуральности, выражаемое формой, в значительной мере подавляется субъективно-модальными оттенками, но не исчезает полностью. В ослабленности временного значения формы проявляется «маргинальность» (Р. Штернеман) темпорального значения футурума 1 в системе. Думается, что маргинальность темпоральной функции футурума в системе связана с тем, что форма со своим основным значением абстрактного (дистантного) будущего только примыкает к ядру системы, которое строится на выражении тесной связи сообщаемого с моментом речи, так что сообщаемое воспринимается как континуум с общим значением настоящего. Футурум же,

[1] Р. Штернеман. К вопросу о методах исследования категории будущего времени, ВЯ, 1968, № 5, стр. 94.

как отмечает Г. Бринкман[1], предполагает прерыв континуума сферы настоящего. Эта особенность семантики формы объясняет низкую частотность футурума 1 в языке и функциональное преобладание футурального презенса, который служит для обозначения будущего в континууме. Темпоральный характер речевой ситуации (настоящее) является, таким образом, предпосылкой, предопределяющей выбор в пользу футурального презенса, который, благодаря тесной связи с моментом речи, своему конкретному и более определенному характеру, в большей степени соответствует особенностям речевой ситуации с общим темпоральным планом настоящего и присущей ей форме — диалогу.

Футурум абстрактного будущего является значением, свойственным только этой форме. В связи с тем, что футуруму в этой функции присуще сильное модальное созначение, он не имеет однозначных соответствий среди частных значений других форм. Футуральный презенс, который обычно рассматривается как темпоральный синоним футурума 1, не синонимичен футуруму в указанной функции, так как он обычно называет только конкретные единичные действия в будущем и, как правило, не способен передавать значение абстрактного будущего.

Действия, называемые футурумом конкретного единичного действия, предстают как еще не реализованные, планируемые субъектом речи единичные действия, реализация которых связывается в его представлении с каким-то конкретным моментом в будущем.

Из различаемых значений футурума наименее зависимым от контекста является первое значение — футурум абстрактного будущего. Именно это значение отражает основное своеобразие формы, проявляющееся в тесном переплетении темпоральной и модальной функций. Футурум в этом употреблении способен передавать целый спектр вариантных значений — от простой констатации действия в будущем до выражения различных модальных оттенков. Значение футурума конкретного единичного действия носит характер функции, зависимой от контекста: контекст должен содержать элементы, указывающие на конкретное время действия в будущем.

Связь с типичной речевой формой — диалогом, темпоральное содержание которой определяется признаком «настоящее как континуум», выражается у форм круга настоящего не

---

[1] H. Brinkmann. Die deutsche Sprache, S. 325.

только через их темпоральные признаки, но и благодаря видовой семантике форм. Такие аспектуальные признаки, как процессность, перфектность, конкретность, участвуют в создании характерного для диалога эффекта актуальности, непосредственного восприятия сообщаемых событий и фактов.

Формам круга настоящего противостоят в функциональном плане формы круга прошедшего (плюсквамперфект-претерит-кондиционалис 1), используемые в языке для сообщения о событиях и фактах прошлого, отделенных от момента речи какой-то временной дистанцией и не являющихся «для говорящего прямым отражением явлений, окружающих его во время речи и непосредственно связанных с ним».

Под прошедшим мы подразумеваем длительность, которая предшествует настоящему и характеризуется разобщенностью с моментом речи. Предшествование настоящему заведомо ограничивает протяженность прошедшего и придает этой сфере замкнутый характер. Из основного признака прошедшего — разобщенность с моментом речи — вытекают характерные признаки форм круга прошедшего: «действия, выраженные временами круга прошедшего, не соотносятся с настоящим моментом, имеют свой собственный центр и замыкаются вокруг этого центра в закрытом отрезке времени»[1].

При изоморфной в целом структуре временных кругов (М. В. Янкошвили) круг прошедшего проявляет в структурном отношении некоторые особенности. Это касается в первую очередь дискуссионного характера того элемента системы, который должен служить в рамках «континуума в прошлом» для выражения будущего в прошедшем. В качестве такой формы употребляется кондиционалис 1. В оценке этого явления мы присоединяемся к точке зрения П. Петкова[2], который полагает, что втягивание конъюнктивных форм в сферу выражения будущего в прошедшем подчеркивает воображаемый (imaginär) характер точки отсчета в сфере прошедшего как перспективы.

В целом отношение между настоящим и прошедшим, как параллельно существующими в языке функционально-речевыми перспективами, подобно отношению между двумя фундаментальными типами речевой деятельности: диалогом и монологом, которые определяют формальное различие между планом коммуникации и планом информации.

---

[1] М. В. Янкошвили. Указ. соч., стр. 6.

[2] P. Petkov. Futurische Verhältnisse im präteritalen Zeitplan, in: Deutsch als Fremdsprache, 1969, N 3.

Речевые формы с общим темпоральным планом прошедшего являются различными по содержанию формами монологической речи и представлены прежде всего такими типами, как сообщение, описание, рассуждение[1]. Названные формы могут быть объединены под общим термином «формы повествования». В языке художественной литературы они функционируют в виде единой формы литературного повествования, известной как «авторская речь».

Осевой формой в сфере прошедшего является претерит, центральное положение которого определяется признаком «одновременность точке отсчета» и способностью «открывать континуум в сфере прошедшего» (Г. Бринкман). В научной литературе уже неоднократно отмечался параллелизм основных значений претерита и презенса (Г. Бринкман, Г. Вейнрих). Претерит как бы берет на себя функцию передавать в сфере прошедшего все то, что «когда-то было актуальным или как-то по-другому входило в непосредственное настоящее говорящего, но ушло в прошлое». При этом претерит сохраняет во всех употреблениях свое основное отличие от презенса: каким бы широким ни было выражаемое им значение, оно никогда не выходит за рамки прошедшего. Параллелизм основных значений претерита и презенса подтверждается при сопоставлении семантического потенциала, характера функционирования обеих форм и особенностей их взаимодействия с другими формами.

Общее значение претерита складывается из ряда вариантных значений, объединяемых выражением основного признака прошедшего — разобщенность с моментом речи — и разграничивающихся в зависимости от характера локализованности и «временного объема» называемых формой действий. Основными семантическими разновидностями претерита являются: имперфектное прошедшее (имперфект), включающее в качестве подвидов претерит постоянного действия и узуальный претерит, и аористическое прошедшее.

Под имперфектным значением в научной литературе понимается обозначение прошедшего действия в процессе его протекания, в его длительности или неограниченной повторяемости. Претерит в имперфектной функции служит прежде всего для передачи единичных конкретных действий, удаленных от нас «эпической дистанцией» (М. П. Брандес), но совпадающих

[1] Описания и рассуждения с общим темпоральным планом настоящего, характерные в основном для научного стиля, не вошли в круг обсуждаемых в работе вопросов.

с каким-то моментом в прошлом, служащим в качестве точки отсчета, «актуальных» в этот момент. Параллельность значению актуального презенса, наблюдаемая у этой разновидности претерита, подчеркивается сочетаемостью с наречием jetzt, выступающим как диагностирующий элемент значения актуального презенса. В передаче процесса протекания действия в прошлом заключается смысл основного аспектуального признака имперфекта — процессность. Характерно, что как непредельные, так и предельные глаголы способны в имперфекте указывать на процесс протекания действия. Непредельные глаголы выражают этот признак более явно. Что касается предельных глаголов, то основной признак этого класса глаголов — стремление к пределу — как бы нейтрализуется процессной семантикой формы.

Имперфектному значению современного претерита противостоит его употребление в аористической функции. Претерит в аористическом значении может называть отдельные изолированные факты прошлого или же целый ряд событий в прошедшем, не указывая на их связь между собой и временную последовательность этих событий.

Как переходные от имперфектного к аористическому значению могут рассматриваться претерит постоянного действия и узуальный претерит. В пользу такого толкования говорит нейтральное отношение этих частных значений к основному аспектуальному признаку имперфектного значения — процессности. Для названных значений скорее характерна статичность. Претерит в указанных функциях служит для выражения сосуществования предметов и их признаков в одно и то же время и является типичной речевой формой описания с общим темпоральным планом прошедшего.

Одним из важнейших признаков претерита, подчеркивающим его функциональное сходство с презенсом, является континуативность — признак, на который указывает ряд исследователей (Г. Бринкман, А. Краке). Континуативность выражается у претерита прежде всего в том, полагает Г. Бринкман[1], что он, представляя называемые им процессы не как замкнутые в себе и тем самым не изолируя их друг от друга, как бы устанавливает связь этих процессов в последовательности. Таким образом, именно способность претерита передавать «самое течение времени в прошлом», изображать прошлое как

---

[1] H. Brinkmann. Die deutsche Sprache. Gestalt und Leistung. Düsseldorf, 1962, S. 330.

цепь взаимосвязанных событий в их последовательности, обусловливает его континуативность.

Анализ функционирования претерита в текстах художественной литературы показывает, что основная стилистико-коммуникативная функция претерита — повествовательная — реализуется не через какое-то одно из выделяемых частных значений, а складывается из переплетения в тексте всех его вариантных значений. Оба основных значения формы выступают при этом как равноценные. Имперфектное значение, передающее сам процесс протекания действия в прошлом, обусловливает характерный стилистический эффект формы — эффект непосредственного участия в действии, сопереживания действия (Г. Вебер, Г. Гемпель); аористический претерит играет ведущую роль в углублении и временном развитии повествования.

Последовательно выражает основной признак сферы прошедшего — разобщенность с моментом речи — и другая форма круга прошедшего — плюсквамперфект. Основной темпоральной особенностью этой формы является то, что она называет такое прошедшее действие, которое предшествует другому прошедшему действию, т. е. обозначает предпрошедшее. Плюсквамперфект играет в сфере прошедшего ту же роль, которую в сфере настоящего (как континуума) играет перфект.

Можно выделить две основные разновидности значения плюсквамперфекта: 1) предшествующий плюсквамперфект с перфектным значением и 2) плюсквамперфект с аористическим значением. В значении перфектного предпрошедшего плюсквамперфект наиболее явно проявляет функциональное сходство с перфектом. Так же, как и перфект, он указывает на актуальность последствий называемого формой действия для более позднего временного плана. Перфектное предпрошедшее чаще всего имеет поясняющий, уточняющий характер, указывает на причину описываемых событий. Плюсквамперфект, служащий в языке для называния наиболее удаленных во временном отношении действий в прошедшем, чаще, чем перфект, выступает в аористическом значении.

Сопоставление семантического потенциала плюсквамперфекта и претерита показывает, что обе формы отличаются друг от друга не только по временному периоду, соответствующему темпоральному значению формы на линии времени, но и по характеру аспектуальных признаков, свойственных каждой из форм. Плюсквамперфект, в отличие от претерита, спо-

собен передавать аспектуальную завершенность действия и указывать на актуальность последствий прошедшего действия для более позднего временного плана (перфектность). Кроме того, целостность восприятия называемых плюсквамперфектом действий (фактовость) лишает их той протяженности, которая свойственна континуативному по своему характеру претериту. Во всех названных случаях, т. е. при необходимости указания на завершенность, перфектность или целостное восприятие прошедшего действия, а также в тех случаях, когда порядок изложения событий в прошлом не соответствует их хронологической последовательности (необходимость указания на предшествование), употребляется плюсквамперфект. На первоначальной способности выражать предшествование строится употребление плюсквамперфекта в предыстории. Плюсквамперфект не проявляет однозначной связи с речевыми формами. Он входит в качестве элемента, несущего особую смысловую нагрузку, в ряд форм претерита, в котором ведется повествование о событиях прошлого. Способствуя передаче хронологической последовательности действий, плюсквамперфект вместе с аористическим претеритом берет на себя функцию временного развития сюжета, служит целям углубления и «продвижения повествования».

Как уже отмечалось при характеристике круга прошедшего в целом, этот круг проявляет известную ущербность при выражении значения будущего в прошедшем (следование по отношению к точке отсчета): в языке не существует специальной формы для выражения этого значения. Язык прибегает здесь, как правило, к двум возможностям: а) использованию, по аналогии с футуральным презенсом, претерита для выражения будущего в прошедшем, 2) использованию кондиционалиса 1 в индикативном значении.

Думается, что при оценке языковых возможностей для выражения будущего в прошедшем следует учитывать два таких важных момента, как ограниченный характер сферы прошедшего и объективную реализованность всех действий в этой сфере. Оба указанных значения находят свое оптимальное выражение в семантике центральной формы круга прошедшего — претерите. Претерит, обладая наиболее широким континуативным характером в сфере прошедшего, способен, подобно презенсу, передавать весь комплекс значений внутри прошедшего как перспективы, в том числе и значение будущего в прошедшем. Претерит является типичным средством выра-

жения будущего в прошедшем в наиболее характерной форме повествовательной сферы — сообщении о событиях прошлого, строящемся на последовательном изложении этих событий.

Другая форма выражения будущего в прошедшем — кондиционалис 1 — обладает целым рядом особенностей, определяющих характер ее функционирования в указанном значении. Кондиционалис 1 наиболее четко передает воображаемый характер будущего в прошедшем, подчеркивает, что дифференциация временных значений в сфере прошедшего возможна только по отношению к некоей воображаемой точке отсчета, выступающей как центр перспективы, параллельной настоящему. При индикативном употреблении кондиционалиса 1 происходит перераспределение функций: на первый план выступает темпоральное значение будущего в прошедшем; модальное значение, которое сохраняется у кондиционалиса и при индикативном употреблении, выступает как сопряженное.

Общие закономерности функционирования кондиционалиса 1 в индикативном значении, прослеженные при рассмотрении языкового материала, позволяют включить его в круг прошедшего как специальную форму, выполняющую в этом кругу функции, параллельные в основном функциям футурума 1 в кругу настоящего. С другой стороны, преимущественное употребление этой формы в несобственно-прямой речи, выполняющей не столько информативную, сколько коннотативную функцию, говорит о том, что в тех случаях, когда говорящий преследует в первую очередь информативные цели, потребность в выражении будущего в прошедшем, очевидно, невелика. Сам характер прошедших действий как действий реализованных, уже имевших место в объективной действительности, противоречит семантике будущего, поэтому будущее в прошедшем может носить только воображаемый характер. Передача этого признака семантики будущего в прошедшем обеспечивается семантическим содержанием кондиционалиса 1.

Изучение функционирования форм круга прошедшего показывает, что они проявляют в основном функции, параллельные функциям форм круга настоящего. Характер функционирования этих форм говорит о том, что потребность в дифференциации временных значений с помощью специальных форм времени в сфере прошедшего как перспективы гораздо меньше, чем в сфере настоящего. На формальном уровне эта диф-

ференциация обязательна только при нарушении в повествовании хронологической последовательности событий.

В результате проведенного исследования мы можем заключить следующее:

1. Основываясь на наблюдениях над функционированием временных форм в макроконтексте, а также опираясь на ряд исследований категории времени в немецком языке, возможно считать, что наиболее адекватным представлением временной системы немецкого глагола является модель функционально-речевого типа. Временная система немецкого глагола функционально-речевого типа предстает как совокупность двух подсистем, используемых в языке для выражения отношения действия к моменту речи (круг настоящего) или какой-то другой точке отсчета, удаленной от момента речи эпической дистанцией (круг прошедшего). В плане выражения предлагаемая система строится на различении двух функционально-речевых темпоральных перспектив — настоящего и прошедшего. Различаемые перспективы существуют как параллельные и противостоят друг другу по признакам: континуум в настоящем — континуум в прошедшем. Формы каждого круга связаны системными отношениями уже на уровне парадигматического значения входящих в круг форм.

2. Взаимодействие временной и видовой семантики в системе немецкого глагола проявляется:

а) В сопряженности временного и видового значений в семантике большинства личных форм (презенс, претерит, перфект, плюсквамперфект). Аспектуальные признаки «процессность» и «перфектность» являются не менее релевантными для структурирования категории времени, чем чисто временные значения «настоящее-прошедшее-будущее». Указанные видовые значения не выводятся на основе логического обобщения видовых признаков, присущих частным значениям соответствующих форм времени, а являются наиболее характерными видовыми признаками этих форм, наименее зависимыми от контекста и отражающими такую семантико-синтаксическую черту формы, которая играет существенную роль с точки зрения определения ее места в системе.

б) В участии видовых и видо-временных значений более низкого уровня (конкретность, абстрактность, единичность, многократность) в различении частных значений форм времени.

в) Во влиянии лексической видовой семантики глагола на выражаемые формой временные и видовые значения. Основ-

ная зависимость здесь наблюдается в связи с принадлежностью глагола к классу предельных или непредельных.

г) Видовые признаки, наряду с временными, играют важную роль в реализации стилистико-коммуникативных функций форм.

Видовые признаки, присущие личным формам немецкого глагола, не носят характер сугубо объективных различий, а передают представление говорящего о характере протекания глагольного действия во времени. Возможность грамматического проявления видовых различий в немецком языке только в рамках темпорального значения форм времени свидетельствует о том, что применительно к немецкому языку следует говорить не о виде глагола, а о видовом значении временных форм глагола.

Сопряженность временных и видовых (презенс, претерит, перфект, плюсквамперфект), временных и модальных (футурум 1, кондиционалис 1) значений в семантике личных форм немецкого глагола позволяет сделать частный вывод о приоритете оценки аналитических временных форм глагола как окачествленных образований, выступающих как специализированные формы выражения определенных значений, в противоположность неспециализированным возможностям, выступающим как частные, вторичные функции осевых форм — презенса и претерита — в каждой из перспектив.

Предлагаемое исследование в целом углубляет представление о семантическом содержании форм времени немецкого глагола и может быть использовано как для дальнейшей разработки чисто грамматической стороны вопроса, например, в плане выяснения различных аспектов согласования форм времени в языке, так и для разработки отдельных вопросов, связанных со стилистикой употребления временных форм. Думается также, что данная работа может служить основой практического пособия по грамматике и стилистике употребления форм времени в немецком языке.

ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ ОПУБЛИКОВАНЫ СЛЕДУЮЩИЕ РАБОТЫ:

1. О некоторых принципах исследования видового характера немецкого глагола. В сб. «Романо-германское языкознание», вып. 1. Минск, 1969.

2. Характер взаимосвязи категорий вида и времени в исследованиях по немецкому языку. В сб. «XXII научная сессия Минского государственного педагогического института иностранных языков», тезисы докладов, ч. 11, языкознание. Изд-во БГУ. Минск, 1970.

3. Эволюция понятия «глагольный вид» применительно к германским языкам. Тезисы VII межвузовской научной конференции по романо-германскому языкознанию. Пятигорск, 1970.

4. Структурно-функциональный подход к трактовке языковых явлений — необходимая предпосылка эффективного обучения иностранному языку. В сб. «Система методов обучения иностранным языкам в школе и вузе». Тезисы республиканской научно-методической конференции. Изд-во БГУ. Минск, 1971.

5. Некоторые вопросы аспектологии в славянском и германском языкознании. В сб. «Вопросы романо-германской филологии и общего языкознания». Минск, 1972.

Подп. к печ. 25/III 1974. Формат 60×84 1/16. Печ. л. 1,5. Зак. 678. Тир. 250.

Типография издательства БГУ им. В. И. Ленина. Минск, Кирова, 24.